

РАСШИФРОВАННАЯ
ЛИТЕРАТУРА

ТИМУР ДМИТРИЧЕВ

РАСШИФРОВАННЫЙ СЕРВАНТЕС

НЕОБЫКНОВЕННАЯ ЖИЗНЬ
АВТОРА «ДОН КИХОТА»

 ЯУЗА

МОСКВА

2022

УДК 821.134.2.09
ББК 83.3(4Исп)-8
Д53

В оформлении переплета использован портрет
Мигеля де Сервантеса Сааведры (1547—1615)

Дмитричев, Тимур Федорович.

Д53 Расшифрованный Сервантес : необыкновенная
жизнь автора «Дон Кихота» / Тимур Дмитричев. — Мо-
сква : Эксмо : Яуза, 2022. — 416 с. — (Расшифрованная
литература).

ISBN 978-5-04-164801-5

ВСЁ О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ АВТОРА «ДОН КИХОТА»!

В судьбе величайшего писателя Мигеля де Сервантеса Сааведры — создателя первого современного романа в литературе и его вечно живых главных героев Дон Кихота и Санчо Пансы — до сих пор осталось немало таинственных эпизодов, одним из которых была дуэль на шпагах на территории королевского дворца в Мадриде, которая круто изменила всю жизнь будущего автора «Дон Кихота», заставив его тайно бежать из Испании, а затем в качестве морского пехотинца участвовать в эпохальной битве при Лепанто в 1571 году. В этой кровавой схватке с турецким флотом Сервантес проявляет удивительный героизм, получает несколько тяжелых огнестрельных ранений, одно из которых навсегда лишает его возможности пользоваться левой рукой. Но Сервантес возвращается в строй и попадает в плен к алжирским пиратам, где проведет целых пять лет...

Книга доктора исторических наук Т.Ф. Дмитричева впервые во всех подробностях восстанавливает необыкновенно интересную и трудную жизнь Сервантеса, которая нашла свое отражение во многих произведениях гениального писателя, но особенно объемно и ярко осталась запечатлена на страницах романа «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский», признанного в мире «Лучшей книгой всех времен и народов», а в нашей стране включенного в школьную программу.

УДК 821.134.2.09
ББК 83.3(4Исп)-8

© Дмитричев Т.Ф., 2022
© ООО «Издательство «Яуза», 2022
© ООО «Издательство «Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-164801-5

1. Древняя Родина Сервантеса

Каждый человек на Земле во всем своем облике, характере, поведении и привычках несет отпечаток климата, природы, географии, истории, традиций, политического и общественного устройства той страны и даже той малой родины, где он родился, рос и формировался в соответствующий исторический период. Эти факторы особенно ощутимо и рельефно находят свое отражение в жизни, творчестве и произведениях выдающихся людей, которые обессмертили свои имена как яркие дети своей эпохи, внесшие ценнейший вклад в человеческую цивилизацию. К числу таких уникальных творцов, безусловно, относится и гениальный испанский писатель Мигель де Сервантес Сааведра — создатель первого современного романа и его вечно живых главных героев Дон Кихота и Санчо Панса. Именно «Дон Кихоту Ламанчскому» было суждено стать самым известным произведением испанской и одним из наиболее выдающихся творений мировой литературы. Сервантес прожил необыкновенно интересную и трудную жизнь, которая нашла свое ощутимое отражение во многих его произведе-

ниях, но особенно объемно и ярко она запечатлена на страницах его главного детища — «Дон Кихота».

Жизнь и творчество Сервантеса пришлось на период расцвета и начала ослабления могущества Испании в качестве ведущей мировой державы и самой влиятельной страны Европы. Он родился в 1547 году, в последний период правления короля Карла I, который одновременно являлся могущественным императором Священной Римской империи как Карл V. Смерть унесла испанского гения 22 апреля 1616 г. через несколько дней после смерти его гениального английского современника Уильяма Шекспира.

Ко времени рождения Сервантеса Испания еще переживала пять с небольшим десятилетий становления своих исторических достижений в качестве страны, освобожденной в ходе многих столетий от почти 800-летнего арабско-мусульманского владычества и объединившей под щитом Кастилии и Арагона все остальные ее этнические и феодальные части. В ходе тех же десятилетий новая Испания продолжала покорять, осваивать и расширять свои бескрайние земли за океаном и прежде всего на американском континенте. Начало этим двум важнейшим событиям в истории Испании и всего мира было положено в одном и том же эпохальном 1492 году. В самом его начале полностью наконец освобожденная от арабского правления Испания встала на путь обретения наравне с Францией статуса великой европейской державы, а 12 октября произошло одно из важнейших в мировой истории событий — открытие вели-

Расшифрованный Сервантес

ким генуэзцем Христофором Колумбом Нового Света, ставшего вотчиной испанских королей со всеми его невероятными богатствами. Другими значимыми факторами в жизни Испании этого периода стала ее ведущая роль в ведении войн против турецкой экспансии в Европе, против посягательств Франции на земли Италии, против Англии за ее поддерживаемые короной пиратские нападения на испанские суда и порты, против борьбы населения Нидерландов за свою независимость, а также в утверждении собственного суверенитета в отношении соседней Португалии с помощью военной силы. Жизненная судьба самого Сервантеса и его творчество оказались, хотя и в разной степени, переплетенными с этими эпохальными событиями его родной страны.

Сама география Испании и, конечно же, ее история в существенной мере определяли и продолжают даже сегодня влиять на ее общее социально-экономическое и политическое развитие. Вся ее территория представляет собой обширное смещение горных хребтов, которые разбегаются практически по всем направлениям, создавая множество отдельных изолированных областей с массой природных преград и препятствий для их взаимного общения и взаимодействия, затрудняя их даже в наше время. Такая своеобразная география страны не обошла и само центральное почти лишенное растительности и неплодородное плато Кастилии — малую родину Сервантеса, которое тоже разбито пересекающимися горными грядами на его более мелкие составные части. Почти со всех сторон, кроме границы с Пор-

тугалией, Испания окружена горами, а также водами Атлантики и Средиземного моря. Хотя на карте она предстает как компактная целостная территория, у нее нет географического единства, что в течение столетий делало ее отдельные регионы труднодоступными друг для друга. На протяжении всей его жизни великому автору «Дон Кихота» пришлось очень много путешествовать по своей стране и на собственном опыте испытать трудности ее географии в разных регионах и отразить их в своих произведениях.

Каждый такой регион Испании имеет свои не только географические, но и культурные и даже языковые особенности. Во многих из них дети говорят на своих диалектах или языках, в том числе каталонском, галисийском и баскском, до поступления в школу, где они овладевают кастильским, который за пределами страны известен как испанский. Ввиду этих обстоятельств, жители Испании зачастую сохраняют пожизненную лояльность в первую очередь своей малой родине будь то Кастилия, Каталония, Андалузия и другие. Несмотря на это, за исключением Каталонии и Страны Басков, где и в наше время сепаратизм остается очень сильной тенденцией, большинство регионов Испании, сохраняя собственные традиции, культуру, язык, обычаи и психологию, являются лояльными составными частями страны, принявшими политическое главенство Кастилии. Однако в эпоху Сервантеса такие региональные различия были значительно более резкими, а сепаратистские движения еще более устойчивыми и широкими. Кастильский язык был зачастую «иностранным» для жителей цело-

го ряда регионов. Ведь даже совсем недавно в деревнях Каталонии, например, проживали тысячи местных крестьян, не получивших образования в школах, которые не умели говорить на кастильском, то есть на испанском языке.

Кастильское плато занимает почти две трети общей поверхности Испании и представляет собой довольно суровую иссушенную горячим солнцем землю с безлесными горами и безводными долинами, где царит безмолвие, а монотонный каменистый пейзаж сопровождает путника на большие расстояния. В дополнение к этому она подвержена резким контрастам температур не только между зимними и летними месяцами, но и между днем и ночью почти в любое время года. Именно здесь средневековые кастильцы строили свои крепости-замки для защиты от мавров-арабов, которые на испанском языке называются *castillos*, что и дало название всему этому региону как Кастилия, то есть страна замков.

Нелегкая жизнь в таких природных условиях сделала ее жителей сильными, выносливыми, волевыми и стойкими перед лицом трудностей и страданий, наделив их одновременно деятельной энергией и определенной суровостью. На протяжении столетий испанцы зарекомендовали себя в качестве смелых, бесстрашных и прекрасных воинов. Они обладают также удивительно высоким уровнем собственного достоинства и гордости, которыми часто бывали наделены герои испанской литературы ее многих выдающихся авторов, в том числе и самого Сервантеса. Как подлинный сын этой своей малой и большой роди-

ны Сервантес унаследовал основные черты характера своих земляков, что очень помогало ему в преодолении ожидавших на его жизненном пути многочисленных трудностей и бед, которые тоже послужили ему как мотивом, так и материалом для целого ряда сюжетов и повествований в его произведениях. Свои бесстрашие, необыкновенную силу воли и поистине героическую верность воинскому долгу автор «Дон Кихота» неоднократно проявлял на полях сражений, в морских баталиях и во время пленения в Алжире.

Однако природа и география были далеко не единственными факторами, которые формировали характер населения Испании и ее самого выдающегося писателя. Очень важная роль в этом процессе принадлежит также истории, связанной с происхождением самой страны, с многочисленными и сменяющимися друг друга волнами разных народов, заселявших ее территорию и определивших испанцев в качестве этнически особого народа со своим языком, менталитетом, обычаями, традициями, взглядом на жизнь и искусством.

Первым названием, которое в истории получила Испания и полуостров, где она нашла свое географическое положение, было Иберия. Согласно историческим предположениям данное название происходит от первых ее поселенцев, прибывших в эти края из безводных африканских пустынь около трех тысяч лет тому назад. Эти первопроходцы данной земли приняли ее довольно скромные реки и водоемы за настоящее обильное водное богатство и предпо-

жительно назвали ее собственным словом Ибер, которое означает «река».

Соблазнительным представляется так же объяснить происхождение названия реки Эбро, которая впадает в Средиземное море в провинции Таррагона к югу от Барселоны на востоке Испании, тем же самым образом.

Примерно за тысячу лет до рождения Христа на Иберийский полуостров прибыли ведущие активную торговлю по всему Средиземноморью финикийцы, которые своей коммерческой базой там сделали самый юг страны, где по историческим предположениям они основали Кадис и Малагу. Около столетия спустя вслед за финикийцами Испания подверглась первой, а через еще триста лет второй волне пришедших из северных областей Европы кельтов. Эти племена довольно плотно расселились в северной и северо-восточной части Испании, прилегающей к горам и побережью вдоль Бискайского залива и к северу от реки Эбро. Со временем они буквально растворились в местном населении этой части страны, создав его новую группу, получившую название кельтиберийцев с очень заметными физическими признаками северных народов.

В середине первого тысячелетия до нашей эры этот полуостров открыли для себя и стали использовать для ведения торговли древние греки, которые стали называть его «Эсперия», то есть Страной заходящего солнца, поскольку они считали его самой западной точкой известного им тогда мира. Греки в основном осваивали и устраивали свои коммерческие

поселения на средиземноморском побережье Испании, где оставили следы своего пребывания в виде незначительных памятников иберийско-греческого искусства.

Вслед за греками в Испанию нагрянули финикийцы — карфагеняне, которые использовали ее территорию в качестве трамплина для походов в Италию против Рима во время ведения трех Пунических войн, продолжавшихся с перерывами с 264 по 146 год до нашей эры. Одним из прочих следов пребывания карфагенян в Испании является столица Каталонии Барселона, основанная отцом Ганнибала Барка в самом начале первой из упомянутых войн и получившая свое название от его имени. Сам Барка успешно завоевал значительную часть Андалузии и северо-восточное побережье к северу от Валенсии. Другим городом, учрежденным карфагенянами в Испании, стала Картагена, воспроизводящая в своем испанском варианте название самого Карфагена. Эти новопришельцы были настолько удивлены обильным количеством на этой земле зайцев, что назвали ее *Isrania*, что на их языке означало «Страна зайцев».

Зайцев в Испании действительно было всегда очень много, и в своих произведениях Сервантес довольно часто упоминает их, в том числе в описаниях походов Дон Кихота и Санчо Панса, а тушеное заячье мясо и другие блюда из зайчатины по-прежнему остаются одними из популярных блюд испанцев, особенно в сельской местности.

Разгромив карфагенян на территории Испании своими легионами во главе со Сципионом, получив-

шим впоследствии титул Африканского, римляне присоединили ее к своим обширным владениям в качестве крупной отдельной провинции, сохранив за ней данное ей их предшественниками название Hispania. На протяжении последующих четырех столетий Испания быстро, успешно и уверенно развивалась под властью Рима, который постепенно превратил ее в самую богатую из своих провинций, ставшую процветающей житницей всей его империи.

Наряду с этим римляне строили здесь новые города и прекрасные дороги, широко внедряли добычу минеральных ресурсов, в частности золота и серебра, прокладывали гранитные водопроводы для снабжения водой крупных населенных пунктов, в том числе и в безводных областях центрального плато. Наряду с этим они широко внедряли производство оливкового масла, виноградарства, фруктов, развитие коневодства и животноводства. Один из крупных водопроводов, построенных римлянами в Сеговии — как это ни поразительно, — не только хорошо сохранился до наших дней, но и сегодня продолжает действовать, вызывая всеобщее восхищение. Под властью Рима Испания стала превращаться в высоко цивилизованную страну, наполняясь новыми мостами, дорогами, храмами, стадионами, амфитеатрами, цирками и даже триумфальными арками по образу и подобию самой богатой метрополии. Провинция Hispania переживала настоящий и продолжительный бум в своем общем развитии.

В дополнение ко всем этим экономическим факторам прогресса данной провинции римляне нача-

ли методично и активно внедрять среди ее населения свой латинский язык, твердо считая, что распространение их более развитого и богатого средства общения будет содействовать более активному вовлечению местных обитателей в их высокоразвитую цивилизацию. Как и в ряде других завоеванных Римом провинций, в Испании получала распространение так называемая «вульгарная» латынь, то есть разговорный бытовой язык, на котором говорили его легионеры и другие простые обитатели метрополии в отличие от «высокой» латыни, которой пользовались классики римской литературы и его аристократия. Внедрение «вульгарной», то есть простонародной латыни позволило местной аристократии поднять образование на более высокий, системный и широкий уровень по образцу римской школы с использованием языка метрополии. Именно эта «вульгарная» латынь легла в основу того языка, который, пережив еще немало внешних воздействий, развился впоследствии в испанский язык, которым так тонко, щедро, богато и восхитительно мастерски пользовался великий Сервантес.

Именно Рим стал также проводником в Испанию христианства, которое достигло этой страны уже в первом веке нашей эры, оказав колоссальное по своему значению воздействие на общее развитие и формирование испанской цивилизации, включая ее искусство в целом и ее литературу в частности. Уже в начале второй половины этого столетия в Испании появились первые христианские мученики, которые придали особо сильный импульс становлению ее

Расшифрованный Сервантес

церкви с ее специфически острым акцентом на институт мученичества.

Несколько столетий спустя, и особенно в эпоху Сервантеса, уже католическая церковь Испании в невероятном извращении самой идеи этого института породила тиранию инквизиции, которая сделала невинными мучениками десятки тысяч христиан, евреев и арабов. Сервантес стал не только невольным свидетелем этих чудовищных преступлений, но и, стараясь обезопасить себя от возможных преследований этого «Святого Братства», неоднократно стремился доказывать свою «христианскую чистоту», проявляя настоящее рвение, участвуя в деятельности «надежных» и зарекомендовавших себя на этом поприще религиозных организаций. Его произведения, в том числе и «Дон Кихот», отражают эпизоды, связанные с «очистительной работой» тиранической инквизиции в стране.

Другой крупной и очень важной реалией в истории Испании, а на протяжении его жизни и самого Сервантеса, было проживание на ее территории еврейского населения и его заметная роль в ее формировании и развитии как нации. Первые еврейские поселенцы на Иберийском полуострове стали появляться в ходе второго столетия нашей эры. Несколько позже римские властители наделили евреев правом на свободное перемещение в рамках империи и даже на строительство новых синагог в ее крупных городах, а также на пользование своим выходным субботным днем и на официальные торжества для проведения их религиозных праздников. Испания своим

сухим жарким климатом и довольно скудной растительностью очень напоминала еврейским поселенцам их древнюю родину и привлекала евреев в нее больше, чем в другие регионы Римской империи. Евреи стали крупным этническим и культурным ингредиентом в становлении и развитии испанского народа, его государственных учреждений, политики, экономики, культуры и даже религиозной жизни.

По мнению целого ряда экспертов, род Сервантеса тоже имел свои еврейские корни. В качестве свидетелей своим утверждениям они указывают на исторически присущие, как они считают, этой группе населения постоянные перемещения по стране пребывания, что так убедительно, на их взгляд, подтверждалось образом жизни дальних и ближайших предков писателя, включая его собственную семью. В этой связи сторонники такой точки зрения отмечают также те профессии, которыми традиционно занимались представители еврейских общин и которым так уверенно следовали мужчины в роду Сервантесов и сам писатель: менялы, сборщики налогов, адвокаты, медики, хирурги. Об этом же, как считают некоторые исследователи, говорят и факты почти регулярных попыток членов этого семейства, несмотря на то что они давно перешли в христианство, вплоть до эпохи самого писателя неоднократно доказывать свою католическую «чистоту» и связанную с ней принадлежность к привилегированному классу идалго. Ссылаясь на исторические факты, эти исследователи указывают также на то, что доказательства на переход в статус «новых христиан» ложно изобретались

желающими арабами и евреями в довольно широком масштабе на протяжении ряда веков и принимались соответствующими властями без особых тщательных проверок.

Вслед за завоеванием римлянами история Испании знала много и других более поздних нашествий, которые оставили о себе память практически на всех аспектах ее развития и формирования, в том числе на ее языке. Уже в начале V в. н. э., когда эта страна еще продолжала оставаться процветающей провинцией Римской империи, ее территория подверглась массовым разрушительным нашествиям со стороны целого ряда варварских германских народов, которые хлынули на Иберийский полуостров из разных районов опустошенной ими Европы. Первыми среди них оказались суэви, вандалы и аланы, которые рассыпались по всей Испании, разрушая все на своем пути, грабя население и наводя на него ужас своей невероятной жестокостью. Особо страшные зверства совершались со стороны племен вандалов, которые дали имя самой разрушительной форме варварства под названием «вандализм». Особенно плотно они обосновались в южной части страны. Арабы Северной Африки стали называть их вотчину Вандалузия, то есть страной вандалов, что и породило теперь общепринятое название Андалузия.

Всего немного лет спустя вслед за уже обосновавшимися в Испании первыми варварскими племенами германцев в нее хлынули орды их сородичей в лице еще более воинственных висиготов. Этот крупный кочевой народ, в отличие от их полудиких пред-

шествеников, уже находился на определенной стадии приобщения к цивилизации, частично переняв ее некоторые аспекты у покоряемых ими римлян и в значительной мере приняв христианство. Висиготы успешно преодолели сопротивление своих германских родственников, принудили вандалов покинуть юг Испании и уйти в Северную Африку, а потерявшим свою власть аланам и суэви довольствоваться растворением среди местного населения. Самим висиготам удалось полностью подчинить себе завоеванную Испанию и учредить в ней свое собственное правление. Пройдет еще совсем немного времени, и уже в 500 году могучая когда-то Римская империя растворится перед несокрушимой силой различных племен варваров и перестанет существовать. Та же судьба постигнет каждую из ее провинций. Тогда же завершилось и многовековое господство Рима над Испанией. Но его огромное наследие в качестве основы самого испанского языка, принятой ею системы Римского права, обращения ее населения в христианство, перенимания им политической организации, обычаев, а также римской культуры и искусства будет проявлять себя на протяжении последующих столетий несмотря на воздействие новых волн вторжений и влияний и их неизбежное взаимодействие друг с другом. А новое массовое нашествие на страну и ее завоевание, как оказалось на несколько веков, было уже не за горами.

Это массовое вторжение совершили арабы в 711 году, перейдя на Иберийский полуостров из Северной Африки. В ту пору арабская цивилизация

только начинала зарождаться на основе мусульманства, которое объединило верой пророка Мухаммеда различные кочевые племена арабов, прошедших победоносными войнами от пустынь Аравии до западных берегов африканского континента. Осевшие в побежденной Испании новые пришельцы стали с готовностью и творчески перенимать лучшие достижения сложившейся на ее территории цивилизации, привнося в нее элементы собственной бурно развивавшейся культуры. Это позволило арабам уже к началу X века создать в Испании собственную высокую цивилизацию, которая в целом ряде аспектов уже превосходила достижения Европы, продолжавшей пребывать в мрачных тисках Средневековья. Этому в существенной мере способствовало желание и умение арабов перенимать, использовать и творчески развивать все то лучшее, что уже было создано в Греции, Риме, Византии и Персии, а также еврейской и христианской религией, но забыто или не востребовано в Европе в мрачные столетия Средневековья. Именно арабы принесли в Испанию культ воды, строительство водных оросительных каналов и многочисленных фонтанов, регулярное использование воды для бытовой гигиены, великолепные породы лошадей и овец мериносов. Им же выпала инициатива привлечения лучших достижений философии, математики, астрономии, картографии и иных наук греческих и других ученых, труды многих из которых пришли в Европу через арабскую Испанию. Великолепные архитектурные сооружения, дворцы и мечети, а также благоустройство и чистота арабских

городов вызывали восхищение посещавших их путешественников из стран Европы.

Несмотря на практически тотальное поражение от этих новых пришельцев, население Испании уже всего через 11 лет после вторжения арабов начинает предпринимать попытки по освобождению своей страны от их оккупации. Первая из них состоялась в 722 году против авангарда арабского войска, посланного в горы Кантабрии для покорения жителей этого района Астурии. Состоявшаяся в горной долине схватка, организованная местными жителями под руководством их вождя Пелайо, принесла им успех и заставила арабов больше не покушаться на эту область. Именно этот год и эта битва считаются началом борьбы испанцев за освобождение Испании от арабских завоевателей. В память об этой победе наследник испанского престола всегда носил и продолжает носить титул Принца Астурии.

Начатая тогда война по изгнанию арабов из страны продолжалась почти 800 лет, на протяжении которых испанцы постепенно, но упорно отвоевывали у оккупантов часть за частью свои земли. Окончательная и триумфальная победа в этой войне совершилась путем ликвидации последнего арабского халифата в Испании Гранады лишь в 1492 году, то есть всего за 50 с небольшим лет до рождения Сервантеса. На протяжении всей своей жизни великий писатель, как и практически все его современники, ощутило испытывал на себе последствия Реконкисты. Ему же лично в течение нескольких лет пришлось участвовать в продолжении войн с мусульманами, но уже вне са-

мой Испании и даже провести пять из них в арабском плену.

В том же эпохальном 1492 году произошло другое событие огромного значения в жизни и истории Испании, Европы и всего мира — открытие Христофором Колумбом американского континента и последовавшая за ним гонка ведущих европейских государств за захват огромных неисследованных заморских территорий и их богатств.

Тогда же Испания произвела на свет новую идеологическую доктрину «расовой и христианской чистоты», изуверские последствия которой дошли практически до наших дней. Именно в том же 1492 году, начиная свое историческое плавание, каравеллы Колумба повстречали у покидаемых ими берегов Испании перегруженные печальными и отчаявшимися несчастными людьми суда — новая Испания изгоняла из страны веками проживавших в ней евреев — интеллектуальную, экономическую, культурную и наиболее активно трудовую элиту своего населения, что в значительной мере не только нарушало многие аспекты жизни всей страны, но и ощутимо подрывало ее потенциал дальнейшего развития.

Все эти события, произошедшие всего за несколько десятилетий до появления на свет гордости испанской и мировой литературы в лице Сервантеса, своими последствиями прямо или косвенно затронули его жизнь и нашли отражение в его могучем творчестве. Великий писатель, например, неоднократно, хотя и безуспешно, пытался получить работу в государственных учреждениях Испании в ее американ-

ских колониях, и, как и его предшественникам по роду, ему приходилось отстаивать свою «католическую чистоту».

Буквально за 20—30 лет до рождения Сервантеса, как считают историки литературы, в Испании были созданы первые художественные произведения, которые ознаменовали собой начало Золотого века испанского искусства и развертывания его периода Ренессанса. Однако в течение столетий до его возникновения на Иберийском полуострове шло очень активное развитие и накопление народного литературного богатства в форме баллад. Этот традиционный вид испанского народного творчества, который предназначался для пения и танцев, очень красочно, с большой поэтической лирикой, драматизмом и силой передавал чувства, настроения и оценки соответствующих поколений людей крупных исторических событий, подвиги, любовные истории и приключения обычных испанцев, а также их героев, принцев и королей. Они сохранялись в памяти народа устной традицией и только в начале XVI века нашли свое отражение в первых печатных изданиях. Баллады оказали немалое влияние на литературу Золотого века Испании как по тематике, так и по поэтическим традициям, что с началом движения романтизма вызвало к ним большой интерес среди поэтов и писателей в других европейских странах.

Возникновению Золотого века в Испании предшествовали десятилетия многочисленных пасторальных и особенно популярных рыцарских романов. Последние привлекают к себе особое внимание

будущего автора «Дон Кихота», который сделает своим главным и бессмертным героем странствующего рыцаря Печального Образа, благодаря которому Сервантес с огромной силой, среди прочего, подвергнет безжалостному осмеянию нелепые и надуманные книги, воспевающие «сказочные» подвиги и деяния странствующего рыцарства.

На Иберийский полуостров, как и в другие страны Западной Европы, Ренессанс пришел из Италии и в период своего становления на его территории во многом следовал образцам, уже созданным на Апеннинских полуостровах. Пионерами на этом направлении стали прекрасные испанские поэты Хуан Боскан и прославленный Гарсиласо де ла Вега, пасторальные стихи которых были впервые опубликованы в одной книге в 1543 году уже после их смерти.

Всего лишь примерно 10 лет спустя в Испании вышел первый и, пожалуй, самый известный плутовской роман «Ласарильо из Тормеса», автор которого остался неизвестным. В противоположность пасторальным и рыцарским романам глазами своего героя плута Ласарильо данное произведение рисует нам беспощадную картину реальной жизни Испании с ее трудностями, жестокостями, погоней за деньгами, обманом и несправедливостью. Даже «неприкосновенную» католическую церковь автор подвергает своей жесткой и едкой сатире, что, по-видимому, в определенной степени объясняет его желание остаться анонимным. Среди всех обрисованных в книге персонажей лишь один обедневший дворянин-помещик предстает перед читателем как по-настояще-

му порядочный человек, сохранивший, несмотря на свое ущемленное положение, чувство гордости и собственного достоинства — черты столь присущие большинству испанцев и нашедшие свое яркое воплощение в характере автора «Дон Кихота».

Сервантес в свое время проявил большой интерес к этому произведению и к последующим плутовским романам, которые пользовались растущей популярностью у читательской публики в Испании и за ее рубежами. Самым популярным из них тогда стал роман Матео Алемана «Гусман де Альфараче», который вышел двумя частями соответственно в 1599 и 1604 гг., опередив на один год первый том «Дон Кихота». В этой книге, как, впрочем, и в большинстве плутовских романов, описываемая в них испанская жизнь вызывает чувства несправедливости, пессимизма, отчаяния, безысходности и протеста.

Другим выдающимся автором и современником Сервантеса был замечательный поэт Гонгора, снискавший себе заслуженную славу еще при жизни. В противоположность, может быть, даже несколько преувеличенному критическому подходу к описанию реальности в плутовских романах Гонгора создает в своих прекрасных стихах удивительно красивый окружающий человека мир природы, которую он описывает через призму неожиданных поэтических образов и метафор. Его мир — это особая планета, живущая в основном в его собственном могучем воображении, которое лишь опирается на реалии материально существующих предметов, чтобы парить над ними в захватывающих своей неповтори-

мой красотой образах и их невероятных сочетаниях. Будучи сам автором многих стихотворных произведений, Сервантес не мог не восхищаться возвышенной поэзией своего современника, но и в этом литературном жанре он шел своим собственным путем.

Именно при жизни автора «Дон Кихота» возникает и начинает свое развитие великолепный испанский национальный театр. И хотя Сервантес довольно много и активно работал над созданием театральных пьес и интермедий, пальма первенства на этом поприще по праву осталась за другим его выдающимся современником Лопе де Вега. Де Вега был удивительно талантливым и невероятно плодовитым драматургом, написавшим около 600 полноценных драм и комедий, а также немалое число романов, рассказов и стихов. Лопе и Сервантес знали друг друга, и, хотя последний неоднократно очень высоко оценивал театральный талант первого, их отношения нередко походили на литературные споры и соперничество. У Лопе де Вега оказалось немало выдающихся последователей, в том числе Тирсо де Молина, Руис де Аларкон и Кальдерон, но Сервантесу удалось познакомиться лишь с ранними произведениями Тирсо, который начинал писать для театра уже в последнее десятилетие жизни автора «Дон Кихота».

На вторую половину его жизни пришлось также и начало Золотого века испанской живописи, которое олицетворяет еще один современник Сервантеса Доменико Теотокопули — грек с острова Крит, который почти всю свою творческую жизнь проработал на своей новой родине и получивший всемирную

Тимур Дмитричев

известность под именем Эль Греко, что в переводе с испанского означает «Грек». За Эль Греко последовал великий Веласкес, а затем и замечательный Мурильо, но они появились уже после смерти Сервантеса. Немалых успехов в этот же период достигает также испанская архитектура, которой удалось найти прекрасное соединение готического, мавританского и итальянского стиля Ренессанса.

Таким образом, жизнь и творчество Сервантеса пришлось на начало Золотого века испанского искусства, первейшим представителем которого он стал сам. В то же время он испытал на своем собственном творчестве прямые или косвенные влияния его выдающихся предшественников и современников, которые своими произведениями содействовали тому, чтобы Мигель де Сервантес Сааведра стал Сервантесом.

2. Испания, в которой родился и жил Сервантес

Испания, в которой появился на свет Мигель де Сервантес Сааведра в сентябре 1547 года, уже успешно развивалась как объединенная страна с неслыханными пространствами и богатствами ее заморских территорий и все больше укреплялась как ведущая мировая держава. Ее внутренней и внешней политикой активно и единолично руководил король Карл I, который с 1519 года являлся одновременно императором Священной Римской империи. Именно при нем Испания оказалась в самом центре политических событий в Европе и тогдашнем мире, где ее интересы непосредственно затрагивались самим фактом принадлежности императору целой серии стран, княжеств и территорий с их индивидуальными и коллективными проблемами, которые усугублялись претензиями на них других государств. Параллельно с этим наследнику престола пришлось активно защищать свои заморские колонии и флотилии, перевозившие их богатства, в первую очередь золото и серебро, в метрополию, от возраставших на них посяга-

тельств со стороны Англии и Франции. В дополнение к этому император, считавший Испанию и себя самого олицетворением и оплотом христианства, был вынужден вести почти непрерывную борьбу со все более агрессивной захватнической политикой Оттоманской империи турок во всем Средиземноморье и на южных границах Европы.

От своей матери королевы Кастилии Хуаны и своего деда короля Арагона Фердинанда Карл получил в наследство Кастилию, Арагон, Наварру, Сардинию, Сицилию, Неаполитанское королевство, область Руссильона на границе с Францией, не говоря уже об испанских колониях в Америке и в Африке. От своего рано умершего отца Филиппа Красивого он унаследовал большие территории на севере и востоке Франции, Нидерланды и Люксембург, а после смерти своего деда Максимилиана I ему достались владения Габсбургов в Австрии и Богемии вместе с титулом императора Священной Римской империи. Другими словами, Карл V стал верховным правителем самой огромной империи мира со времен Карла Великого. Однако сами эти обширные пространства и разнородность населявших их жителей делали ее во многих отношениях довольно уязвимой, чем все более активно и наступательно стремились воспользоваться другие европейские державы, что означало практически непрерывающиеся войны и связанные с ними огромные расходы. За 40 лет своего правления Карл V провел войны почти со всеми странами Европы и даже с самим папой римским, но их результаты для него, для Испании и империи были далеко

неутешительными. Даже в области отстаивания единства католической церкви император понес серьезные потери: именно в годы его правления в Европе родилось и набрало большие силы движение протестантов, которое в самой Испании вызвало к жизни беспощадную и непримиримо жестокую волну контрреформации.

Когда утомленный бесконечными военными кампаниями и проблемами правления Карл V отрекся от престола в пользу своего сына Филиппа II, Сервантесу исполнилось лишь 9 лет, но проблемы, которые предстояло решать Испании при новом правителе, продолжали усугубляться. Жизнь будущего великого писателя и его творчество окажутся тесно переплетенными с судьбами его родины до конца его дней.

Правление Филиппа II началось с дьявольски чудовищного сожжения группы еретиков в городе Вальядолиде, которое изуверски называлось «аутодафе», то есть «актом веры». Новый король был глубоко верующим человеком и считал, что любая форма ереси должна подвергаться самому жестокому наказанию, чтобы служить наглядным примером всем, кто мог бы соблазниться на отступничество. Простого ложного доноса было достаточно для отправления обвиняемого на костер. Угроза такой произвольной расправы над невинными людьми создавала среди населения постоянную атмосферу смертельного страха, заставляя верующих как можно убедительнее и даже преувеличенно ревностно соблюдать все религиозные ритуалы и церковные распоряжения. Однако крайняя и публично демонстрируемая набожность

короля не смущала его, когда он легко прибегал к использованию религии как средству своей внутренней и внешней политики, в том числе и в акциях против самого Рима. Семья Сервантеса и он сам жили вместе со всеми испанцами в этой подавляющей обстановке духовного напряжения и преследования, приспособившись к ней для самосохранения как искренние католики и потомственные дворяне-идадьго.

Вплоть до 1561 года у испанского двора не было постоянного места пребывания. По повелению королей оно менялось время от времени, перемещаясь из одного города в другой со всеми своими придворными людьми и службами. Такими временными столицами страны в разные годы бывали, например, Сеговия, Барселона, Гранада, Толедо и Вальядолид. Однако в 1561 г. Филипп II решил положить конец такому дворовому кочевничеству и выбрать постоянную столицу Испании. Его выбор остановился на тогда небольшом и захолустном Мадриде. Этот городок находился в самом центре объединенной страны и являлся сердцем довольно унылых и малонаселенных пространств Кастилии. Однако сама эта незначительность Мадрида давала королю возможность сделать из него новую крупную столицу, которая могла бы олицетворять собой его центральный абсолютистский режим и носить на себе печать его собственного плана достойного эпицентра, отвечающего масштабам и богатству испанской монархии. Недалеко от Мадрида Филипп II вскоре начнет строить и самый грандиозный памятник своему правлению — дворец Эскориаль, который по его замыслу

будет одновременно служить местом захоронения испанских королевских семей. Сервантес окажется в числе тех, кто в течение некоторого времени будет сопровождать переезды кочевого двора, а затем и окажется вместе с ним в Мадриде.

Другим крупным событием в жизни Испании того периода стал королевский эдикт о преследовании морисков Андалузии. Этим именем в стране называли тех арабов, которые после поражения Гренадского халифата не ушли со своими соплеменниками в Северную Африку, а решили остаться в Испании, перейдя в христианство. Мориски по-прежнему носили свою традиционную одежду и говорили на арабском языке, хотя, вероятно, что под покровом католичества они продолжали исповедовать мусульманство. Карл V в свое время неоднократно пытался покончить с этими арабскими «вольностями», но всякий раз морискам удавалось откупиться от преследований крупными суммами денег. В отличие от своего отца Филипп II не поддавался на такие предложения, хотя очень остро нуждался в средствах, и в 1567 г. запретил все проявления мусульманства, обрушив на морисков всю мощь репрессий своей государственной машины.

Им было запрещено носить арабскую одежду, их женщинам больше не разрешалось появляться с открытым лицом, им предписывалось оставлять свои дома не запертыми на замок, а пользование их традиционными горячими ваннами объявлялось вне закона. Самым жестоким наказанием для этой очень деятельной части населения было требование говорить

только на кастильском языке и не признавать никакой веры, кроме христианской.

Наказания за неисполнение положений этого эдикта были настолько жестокими, что очень скоро вызвали восстания морисков по всей Андалузии, которая в течение целых двух лет оставалась ареной кровавой религиозной борьбы и преследований. Сопротивление морисков было в итоге подавлено, все население Гренады было целиком и полностью депортировано в другие области Испании, а процветавшая и богатая до того времени Андалузия, потеряв самую активную часть своих жителей, превратилась в сельскохозяйственную пустыню. Как и остальные католики страны, перед лицом таких кровавых королевских репрессий, Сервантес и его семья стали их незавидными сторонниками.

Вскоре после разгрома морисков в истории Испании, всей Европы и всего христианского мира произошло огромной важности событие: в октябре 1571 г. в ходе крупнейшего морского сражения под Лепанто объединенные флотилии Венеции и Рима во главе с военно-морскими силами Филиппа II нанесли сокрушительное поражение большой эскадре Турции. Эта историческая победа явилась поворотным пунктом в длительном противостоянии мусульман и христиан в районах Средиземноморья, что позволило остановить продолжение наступательных операций Османской империи против южных и восточных границ Европы. В этом эпохальном сражении довелось участвовать и самому Сервантесу вместе с его младшим

братом Родриго, в ходе которого будущий великий писатель проявил подлинный военный героизм, получил тяжелое ранение и потерял способность пользоваться левой рукой. О своем участии в этой исторической битве Сервантес будет неоднократно вспоминать на страницах будущих произведений.

В начале 1580-х гг. Испания стала особенно активно подвергаться нападениям со стороны Англии на ее флотилии как на морских просторах, так и в своих собственных гаванях. Особенно унижительным для Филиппа II стал рейд под командованием Дрейка на испанские корабли в порте Кадиса, где король давно и упорно готовил свою Непобедимую армаду для вторжения в Англию. В 1588 г. эта огромная флотилия отправилась к берегам «коварного» Альбиона. Однако более маневренные английские суда и умелое использование Дрейком морских течений привели к сокрушительному поражению Армады с тяжелой потерей свыше половины всех ее кораблей и более двух третей их экипажей. Мигель Сервантес в отличие от другого своего выдающегося современника Лопе де Вега не принимал непосредственного участия в этой военной экспедиции, но он внес свой посильный вклад в ее подготовку, работая довольно продолжительное время в качестве представителя властей по сбору средств на ее организацию и в силу сложившихся обстоятельств даже перенес тюремное заключение.

После этой разгромной авантюры уже ослабевавшие позиции Испании в европейской и мировой политике стали стремительно расшатываться, чему в

немалой степени содействовала упрямая непродуманная политика самого Филиппа II, который растратил невероятные богатства своей империи на бесконечные кровопролитные войны на разных параллелях и меридианах земного шара. Этот король, униженный в военных поражениях, погрязший в огромных международных долгах и совершенно разбитый тяжелыми болезнями, ушел в другой мир в 1598 г., оставив своему сыну Филиппу III пошатнувшийся трон, ослабевшую империю и обедневшую, если не считать разбогатевшую элиту, Испанию. Несмотря на возросшую урбанизацию и первые шаги к капитализму, основное население страны продолжало трудную бедную жизнь, которая мало отличалась от скудного Средневековья. Сервантес и его семья оказались в числе того большинства испанцев, которые владели жалкое существование в тяготах и нуждах каждодневной жизни.

При Филиппе III положение страны и большинства ее населения продолжало ухудшаться: целый ряд военных поражений и плохое развитие экономики неуклонно вели Испанию в разряд второстепенных европейских государств. Ее когда-то объединяющая, инициативная и главная движущая сила в лице Кастилии, казалось, себя исчерпала. Она все больше сосредоточивалась на себе самой, варилась в собственном соку, забывая о других провинциях Испании, что содействовало пробуждению сепаратизма в Стране Басков и Каталонии. Повсеместный разгул религиозного фанатизма являлся тормозом морального, политического, экономического и социального прогресса,

что, скорее, напоминало о жизни в тогда еще только уходившее в историю Средневековье.

Одним из ярких проявлений такой политики Филиппа III стало новое государственное наступление на морисков. В 1609 г. он принял решение окончательно изгнать их из Испании. После череды предшествовавших преследований они все еще составляли около полумиллиона жителей страны и формально считались католиками. Но до властей время от времени доходили доносы на то, что многие из них якобы продолжали тайно исповедовать мусульманство. В целях осуществления принятого королем решения в ряде портов Испании были собраны корабли, на которые под наблюдением выделенных для этой цели войск были силой погружены все остававшиеся в стране мориски — мужчины, женщины и дети. Они были сразу же перевезены на побережье Северной Африки и безжалостно высажены там на произвол судьбы. Эти невинные жертвы королевского и церковного произвола в своем большинстве были активными крестьянами, занимались производством хлопка, шелка, риса, бумаги и других продуктов. Именно они когда-то успешно внедрили в безводной и засушливой Испании использование ирригационных каналов, обеспечивая население богатой продукцией сельского хозяйства. Без них эта и другие отрасли экономики страны стали просто загнивать, усугубляя уже ранее возникшие трудности ее развития. Сам уже теперь ставший очень известным автор первого тома «Дон Кихота» и его семья, как и раньше в подобных случаях, вместе со всем осталь-

ным населением страны снова поддержали изгнание морисков из Испании.

Единственной обещающей позитивной картиной на этом мрачном фоне деградации страны были ее заокеанские территории. Именно там, в Новом Свете, неустроенные, бедные и отчаявшиеся найти себе достойное применение активные испанцы искали возможности выйти из нужды и разбогатеть. Среди тысяч соотечественников, связывавших свои мечты о богатой жизни в американских колониях Испании, был и вечно нуждавшийся Сервантес, который словами героя одной из своих новелл очень ярко описывает это великое бегство за богатством на другой конец земли. Новый Свет стал «убежищем и пристанищем для всех бедолаг Испании, местом спасения для банкротов, укрытием для убийц, запасным выходом для всех картежников, землей обетованной для женщин легкого поведения, соблазном и разочарованием для большинства и несравненным приобретением для немногих».

Самому же Сервантесу, несмотря на неоднократные усилия, получить шанс на устройство своей судьбы в Америке на государственном посту в колониальной администрации так и не удалось. Он продолжал испытывать большую нужду на протяжении почти всей своей жизни, в том числе и тогда, когда стал известным и знаменитым автором бессмертного «Дон Кихота», второй том которого ему удалось выпустить в свет лишь в 1615 г., то есть незадолго до своего ухода из жизни. В последующие два столетия Испания продолжала еще больше слабеть, превращаясь в одну

Расшифрованный Сервантес

из второразрядных стран Европы, а в начале XIX века она начнет терять свои заморские колонии и полностью останется без них уже к концу этого века.

Познакомившись с родиной Сервантеса, мы можем теперь вернуться к периоду ее необычайного расцвета, когда и появился на свет этот великий писатель.

3. Рождение, семья, происхождение

Да, действительно в середине XVI века Испания находилась на историческом пике своего государственного развития. Она обладала самой обширной империей в мире, она продолжала осваивать огромные колониальные приобретения и пользоваться их колоссальными богатствами, а ее искусство решительно вступало в Золотую эпоху. Однако нельзя забывать и о том, что в то же время немалая часть ее населения страдала от голода, нищеты, высокой преступности, религиозного мракобесия и тирании церкви, вездесущей бюрократии и судебной коррупции. Семьи дедов и родителей Сервантеса, несмотря на принадлежность к привилегированному потомственному сословию идалго-дворян, на протяжении многих лет переживали эти беды своего народа.

Так же было и в 1547 г., когда у четы Родриго Сервантеса и Леонор де Кортинас родился четвертый ребенок, который был назван Мигелем. В ту пору их семья проживала в городе Алкала-де-Энарес в провинции Ла-Манча недалеко от Мадрида. Это поселение, расположенное на берегах реки Энарес, прито-

ка величавого Тахо, было основано арабскими завоевателями под названием Аль-кала Нахар и в своем испанском варианте весьма близко повторяет его. Хотя точная дата рождения будущего великого писателя нигде не оказалась зафиксирована, церемония его крещения была зарегистрирована 9 октября, что дает основание полагать, что он родился 29 сентября, когда отмечался День святого Мигеля, имя которого, как было принято по религиозной традиции, и было дано новорожденному.

Дни накануне рождения Мигеля, как это бывало тогда во всех семьях, ожидавших появления ребенка, были особенно тревожными и волнительными. Дело в том, что в ту эпоху роды представляли собой самую серьезную опасность в жизни женщины, поскольку даже при незначительном отклонении положения рождающегося ребенка от нормы не существовало ни инструментов, ни методов, которые можно было бы использовать для спасения матери и ее плода. Кесарево сечение применялось только в случаях смерти матери или ребенка и делалось оно без анестезии или антисептических средств. Шансы выживания родившегося ребенка были еще меньше, чем у его матери: многие из детей умирали в ходе самих родов, а еще большее их число погибало в ранние годы детства. Врожденные недостатки бывали обычным делом и объяснялись воздействием сверхъестественных сил.

Когда приближалось время родов, мать Мигеля по установленной традиции должна была находиться в спальне, которую заблаговременно готовили для приема посетителей и показа им дома с лучшей сто-

роны: на полы расстилались свежие циновки, кровать накрывалась самым красивым одеялом вместе с привлекательными подушками, расставлялись стулья, на полки буфета или стенного шкафа выставлялась праздничная и дорогая посуда, а для угощения гостей предлагались разные сладости и фрукты.

Как и при предыдущих родах, сеньора Леонор де Кортинас по условиям того времени услугами врача не пользовалась. Всю работу за этих специалистов тогда выполняли повивальные бабки. Готовясь к началу родов, они успокаивали своих пациенток целым набором утешительных и оптимистичных слов, а для облегчения боли пользовались разными маслами и мазями, которыми растирали им тело. Когда родился Мигель, повивальная бабка, следуя давно сложившейся практике, завязала и обрезала пуповину, а затем вымыла младенца и, протерев его насухо, настолько туго завернула в свивальники и пеленки, что он не мог пошевелить ни ногами, ни руками.

После этого она вынесла новорожденного показать Родриго и остальным членам семейства, а вслед за этим отнесла его в комнату матери и уложила в деревянную люльку, поставленную около ее постели. Там уже появилась служанка дома, которая будет качать люльку, чтобы успокаивать и усыплять ребенка, а примерно каждые три часа она будет его подмывать, менять пеленки и протирать розовым маслом, передавая матери на время кормления.

Обычно младенца крестили в первый же или второй день после его появления на свет. Однако по каким-то причинам крещение Мигеля состоялось лишь

на одиннадцатый день, когда одна из родственниц семьи понесла его, наряженного в лучшие и красивые одежды, в церковь в сопровождении другой родственницы, которая поддерживала край ритуальной мантии. Вместе с ними следовала и повивальная бабка, которой было поручено нести чепчик для крещения. Это маленькое шествие замыкали няня младенца, его выбранные крестные, родственники и друзья семьи. Поскольку ребенок был мальчиком, то согласно церковным правилам, у него должно было быть два крестных отца и одна крестная мать, которые приготовили для Мигеля хорошие подарки.

Входная дверь в церковь уже была заблаговременно украшена для этой торжественной и важной церемонии, на ее полу были расстелены свежие циновки или солома, а сама купель покрыта бархатной и льняной материей. Когда все уже собрались, Мигеля раздели на столе с шелковой подкладкой, а священник подошел к нему и освященным маслом поставил на его маленьком лбу знак креста и отправил богослужение по случаю крещения. Один из крестных поднес младенца к купели, а священник тут же окунул его в воду и затем передал няне, которая протерла его и снова туго завязала в свивальники, после чего повивальная бабка надела на него чепчик для защиты священного масла на его лбу. Акт крещения с присвоенным мальчику именем был, как полагалось, зарегистрирован в приходской книге. После завершения церемонии крещения новорожденный Мигель возвратился домой со всем сопровождением со своим узаконенным именем как новый христианин-католик.

Мать Мигеля Леонор де Кортинас в церемонии крещения участия не принимала. По существовавшим в те времена понятиям она считалась «нечистой» до прохождения церемонии церковного «очищения», которая назначалась на определенный день после того, как роженица поправлялась. До этого ритуала женщинам не разрешалось печь хлеб, подавать еду или иметь дело со святой водой. В выбранный день «очищения» госпожа Кортинас снова облачилась в сохраняемое для данной церемонии свое свадебное платье и в сопровождении членов семьи и друзей дома отправилась в церковь, куда она вошла в соответствии с установленной процедурой с зажженной свечой. У самого входа ее встретил приходский священник, сотворил над ней знак креста, окропил ее святой водой и произнес псалом. Придерживая один конец его епитрахили, сеньора Кортинас проследовала за ним в глубину нефа под аккомпанемент его традиционного в таких случаях словесного ей приглашения: «Входи в храм Божий и поклонись Сыну Святой Девы Марии, который благословил тебя материнством».

Пройдя церемонию «очищения», мать Мигеля покидала церковь, стараясь, как было принято, смотреть глазами прямо перед собой, чтобы не встретить взглядом кого-нибудь, кто имел репутацию плохого человека или имел какой-нибудь дефект, чтобы, согласно бытовавшим поверьям, не передать младенцу эти отрицательные качества. При возвращении домой семья Сервантесов устроила большое празд-

ничное угощение для крестных Мигеля, своих родственников и друзей.

Когда Мигель вырос из пеленок, то, как тогда было заведено, его сразу одели по его размеру в платье, которое во всем повторяло одежду взрослого человека. По установившимся нормам, как и все другие дети, он рос в условиях довольно строгой дисциплины, которая нередко включала и физические наказания, но детских игр и развлечений было много. Вместе с другими детьми Мигель играл в мячики, юлу, прятки, в бросание подков и в камушки, учился ходить на ходулях, при возможности бегал купаться. Когда он подрос, то у него появились и новые игры, в том числе шахматы, шашки, кости и другие. Детских книжек, то есть книг, специально написанных для детей, пока еще не было, но разные народные сказки, передаваемые из поколения в поколение, были очень распространенным и популярным развлечением. Однако в таких более «взрослых» играх Мигель принимал участие, когда его семья уже покинула Алкала-де-Энарес. На время переезда оттуда в 1551 г. в Вальядолид ему еще не исполнилось и четырех лет.

Некоторые исследователи жизни и творчества Сервантеса полагают, хотя это пока не было доказано с полной убедительностью, что в Алкала его родители проживали на улице Де ла Имахен и что он был крещен в ближайшей к их дому церкви. Однако с того времени все здания города перестраивались или сносились так многократно, что установить подлинность кандидатов на это привилегированное поло-

жение колыбели автора «Дон Кихота» представляется весьма сомнительным.

Что касается предков Сервантеса, то найденные о них сведения являются довольно скудными. Его деды по линии матери были скромными обедневшими землевладельцами, которые проживали в одной из недалеких от Мадрида деревень. Мать Леонор де Кортинас происходила из семьи, которая жила в Кордобе, где мужчины были потомственными врачами. Однако в ту эпоху эта редкая, важная и доходная профессия еще не ассоциировалась со специалистами, получившими медицинское университетское образование. Медиками тогда называли тех специалистов, которые лечили своих пациентов очень распространенным в течение столетий кровопусканием, выполняли работу ветеринаров и даже брадобреев.

Прадед Мигеля по отцовской линии Руи Диас де Сервантес родился в 1430 г. в Кордобе и работал там булочником. Дед Мигеля по той же семейной линии по имени дон Хуан Сервантес тоже был уроженцем Андалузии, где в своей родной Кордобе после окончания университета в Саламанке занимался адвокатской деятельностью. Практиковал он эту профессию на протяжении своей карьеры в разных поселениях и городах и постепенно дослужился до чина заместителя коррехидора, то есть администратора-судьи. Одним из таких городов в его карьере стала и Алкала-де-Энарес. В целом же профессиональная жизнь этого деда писателя была насыщена бесконечными судебными процессами как от имени его клиентов, так и в защиту собственных интересов. В немалом

ряде мест, где ему пришлось работать, он был объектом судебных разбирательств по обвинению в превышении должностных полномочий и даже в ряде уголовных преступлений, за некоторые из которых ему пришлось расплачиваться тюремным заключением.

Одним из таких громких, но успешно выигранных им процессов была представленная доном Хуаном от имени его дочери Марии жалоба на родственников герцога Диего де Мендоса, которые после его смерти лишили ее солидной доли наследства, завещанной ей его внебрачным сыном как бывшей любовнице. Сам адвокат в то время был членом Совета герцога еще с 1527 г. и был посвящен во многие его личные дела. Полученная в результате данного скандального процесса сумма денег позволила отцу и дочери вести в течение ряда лет роскошную праздную жизнь в Алкала. Однако пять лет спустя дед Мигеля по неизвестным причинам оставил свою семью и с младшим сыном и семейной прислугой в качестве своей любовницы переехал в родную Кордобу, где поступил в качестве адвоката на службу местного отделения Инквизиции. Такая неожиданная эскапада деда писателя поставила оставленную им семью в довольно затруднительное финансовое положение.

Это событие произошло как раз в то время, когда второй сын дона Хуана Родриго и будущий отец Мигеля женился на Леонор де Кортинас из семьи землевладельцев средней руки в Старой Кастилии. Леонор оказалась одной из тех редких женщин того времени, которая умела читать и писать. Она также

Тимур Дмитричев

обладала большой волей и твердостью духа, которые ей приходилось неоднократно проявлять в трудных обстоятельствах, выпадавших на ее долю. Дон Хуан настолько отделился от своей семьи, в том числе и от своей дочери Марии, скандально-судебная история с которой принесла им обоим немало денег, что даже не явился на свадьбу Родриго. Не было его и на ритуалах крещения детей Родриго, в том числе и Мигеля.

Как и другие мужчины в роду Сервантесов, отец Мигеля собирался продолжить семейную традицию и стать медиком. Однако Родриго от рождения страдал очень плохим слухом, что оставило свой след на его характере. Он вырос замкнутым, нелюдимым, малообщительным и довольно меланхоличным человеком. Такие природные черты и врожденная глухота делали его плохим кандидатом в медики. Поэтому его попытки овладеть данной профессией позволили ему прочитать по ней всего три руководства и остановиться на профиле, который соединял в себе навыки парикмахера и специалиста по пусканию крови.

4. Начало перемещений по стране: Вальядолид — Кордоба — Кабра — Севилья

Оставшись без помощи старшего главы семейства дона Хуана, обосновавшегося в Кордобе, Родриго-младший со своей женой Леонор, их четырьмя детьми, своей матерью и теткой Марией решил подправить их материальное положение путем поиска лучшей доли в другом городе. Поэтому в 1551 г. семья продала все, что было можно и нужно, и переехала из Алкала-де-Энарес в Вальядолид. Это путешествие примерно в 200 километров на наемной повозке по тогдашнему ужасному бездорожью с большой семьей, маленькими детьми и узлами со скарбом было настоящим испытанием. Оно продолжалось больше недели с остановками на ночь в грязных и тесных придорожных ночлежках. Сервантесы прибыли на берега реки Писуэрга в начале апреля.

Выбор этого нового места жительства был, конечно же, неслучайным. Во-первых, Вальядолид был тогда значительно более крупным городом, в котором проживало чуть меньше 50 000 человек, что расширяло потенциальную клиентуру отца Мигеля. Кроме

того, он в определенные годы становился временной столицей империи со всеми службами и массой королевской и прочей прислуги, следовавшей за двором и его многочисленными чиновниками, обещая Родриго-младшему более состоятельных «пациентов». Несмотря на то что сам император Карл V уже три года, как это случалось с ним очень часто, был в отъезде во Фландрии, столица продолжала жить своей бурной жизнью с массой чиновников, прислуги и рабочего люда. От имени императора в качестве регента здесь управляла его дочь донья Мария, которой активно помогал ее муж Максимилиан. В дополнение к этим факторам в Вальядолиде находилось много церквей и монастырей, что в ту эпоху свидетельствовало о более высоком благосостоянии его жителей, а это тоже означало дополнительные возможности увеличения заработка для Родриго.

Однако радужные расчеты отца Мигеля на лучшую жизнь в Вальядолиде не оправдались. Вместе с большим кругом клиентов там его ожидала и более многочисленная и профессионально лучше подготовленная категория медиков-конкурентов. Ухудшение финансового положения семейства не заставило себя ждать долго, что привело Родриго-младшего к займам у одного из местных хищных ростовщиков и последующим долгам. С долгами в установленные сроки он расплатиться не смог и оказался на скамье подсудимых.

Его адвокаты прибегли к защите своего клиента на основании использования существовавшего тогда положения о том, что дворяне-идальго не могли

подвергаться тюремному заключению. Но эта норма феодального права Испании в данном случае не помогла: отцу Мигеля пришлось не только пережить конфискацию на тот период уже совсем бедного оставшегося в семье имущества, но и оказаться за решеткой. По иронии судьбы Родриго-младший попал в ту же самую тюрьму, где до него там отбывал свое наказание его отец дон Хуан, которого тоже не спас статус идальго. Отцу Мигеля все-таки кое-как удалось рассчитаться с долгами и отправиться из Вальядолида к семейным корням в андалузской Кордобе. Однако на пути туда семья с пятью детьми сделала остановку на летние месяцы в Алкала, где она жила у племянницы Родриго Мартины и ее мужа. По-видимому, такая пауза потребовалась, чтобы заранее подготовить место в Кордобе и несколько поправить бедственное финансовое положение. Это произошло весной 1553 г., а осенью, когда Мигелю уже было шесть лет, вся семья снова отправилась в дальний путь. Однако осталось неизвестно о той возможной роли, которую в этом переезде сыграли проживавшие там родственники Сервантесов, в том числе и дон Хуан. Новый переезд стал для отца Мигеля продолжительным периодом ожидавших его поездок по всей территории Испании, которые происходили в течение целых 15 лет. Они прекратились только после того, как он наконец решил прочно обосноваться в Мадриде. В этом отношении Родриго следовал по пути дона Хуана, который менял свои места проживания на протяжении 30 лет. Самому Мигелю было суждено продолжить семейную традицию частых пе-

ремещений и не только по Испании — он менял свое место жительства столько же лет, сколько это делал его отец.

В отличие от Вальядолида и еще в большей степени от Алкала-де-Энарес в Кордобе до наших дней сохранились небольшие улочки, площади и даже скромный фонтан, которые могли действительно существовать во время проживания там семьи Сервантесов с их маленьким Мигелем. По крайней мере они носят на себе много характеристик Кордобы того времени, которые Сервантес неоднократно описывал в своих работах под теми же названиями. Вполне возможно, что он еще мальчиком видел бои быков на улице Фериа, циркачей разных жанров вместе с первыми кукольными представлениями и спектаклями бродячих актеров, рассказы о которых впоследствии нашли место на страницах его произведений. Дон Хуан встретил Родриго и его многочисленную семью довольно холодно, и, хотя у него были деньги, его сыну пришлось брать некоторую сумму на острые нужды по приезде в займы. Затем, однако, адвокат смягчил свое отношение и, видимо, помог приехавшим родственникам с нахождением жилья в одном из обычных кварталов Кордобы неподалеку от Гвадалквивира. С довольно многочисленным для городов того времени населением около 40 000 жителей бывшая столица мусульманской Испании являла собой крупный торговый центр, где процветали различные ремесла и особенно производство ценимых повсюду кож. Родриго смог довольно скоро начать

там применять свои знания медика при конторе Инквизиции и в местной больнице Милосердия.

Осталось неизвестно, когда и где Мигель начал ходить в школу. Возможно, что свои первые школьные шаги он сделал еще в Вальядолиде, но более вероятно, что он вошел в свой первый класс в Кордобе, когда ему исполнилось семь лет. Надо отметить, что в ту эпоху школ в Западной Европе, в том числе и в Испании, было очень мало, и их посещали, как правило, дети состоятельных и привилегированных классов общества, давая им с раннего возраста возможности приобрести знания, необходимые для получения достойных их положения профессий, постов и должностей. Неграмотность была одним из тех серьезных препятствий для большинства населения — и не только в Испании — для улучшения своего социального положения. Некоторые школы действовали при монастырях и соборных церквях для подготовки своих собственных кадров в лице грамотных священников, переписчиков, художников и работников других профессий, обеспечивавших должную организацию религиозной жизни.

В семье Сервантесов в соответствии с их статусом дворян-идальго все мужчины и часть женщин умели читать и писать. Этого требовала и их традиционная наследственная профессия медиков, а части из них и адвокатов. Отец Мигеля к знанию грамоты его детьми, как мальчиками, так и девочками, относился с большой настойчивостью и внимательно следил за их школьными успехами и неудачами. Четвертый в семье ребенок Родриго-младшего и будущий пи-

сатель уже с раннего возраста проявил большой интерес к чтению и на протяжении всей своей жизни оставался страстным любителем книг, о чем говорят его удивительно глубокие и широкие знания литературы и истории, в том числе античного мира, а также географии и театра. Его удивительная эрудиция активно проявляет себя в тематике и жанрах его произведений. В прологах-предисловиях к целому ряду своих книг он неоднократно говорит о своей страсти к чтению и особенно к поэзии. Упоминает он и о своем речевом дефекте, связанном с некоторым заиканием.

Как считают многие исследователи, первые два года своей учебы в Кордобе Мигель плодотворно провел в школе известного местного педагога Алонсо де Вьерас, который был родственником семьи, а затем перешел в училище Санта-Каталина, которое было там недавно основано монахами ордена иезуитов. Школы этого ордена заслуженно считались одними из самых лучших и престижных. Сам Сервантес в ряде своих произведений, в том числе в «Беседе собак», прямо или косвенно давал очень высокую оценку профессионализму и прекрасной организации обучения в учреждениях иезуитов. В том училище он должен был в течение двух лет изучать предмет под названием «Грамматика».

Под этим названием в те времена на начальном этапе в школах, а затем и в университетах в разном объеме и с соответствующей глубиной, понималось не только изучение кастильского/испанского и латинского языков, но и овладение умением писать со-

чинения, произносить речи, участвовать в диспутах, познавать литературные жанры вместе с трудами античных и более поздних авторов, а также историю и географию. Основы содержания этих дисциплин были заложены еще в эпоху Средних веков с использованием учебников римских составителей и первоначально рассчитанных на учеников, для которых латинский язык был родным. Ко времени Сервантеса такие учебники пережили немало изменений, но еще сохраняли базу прошлых столетий. Подобные перемены касались и предметов, связанных с естествознанием, арифметикой и расчетами, а также с астрономией, которая все еще довольно тесно была переплетена с астрологией.

Изучение предметов «Грамматики», по мнению просветителей и преподавателей того времени, уже не говоря о самих церковниках, помогало пониманию и толкованию Библии, которая была насыщена богатыми образами, обильным словарным арсеналом, разнообразными речевыми приемами и оборотами, а также содействовало ее более глубокой оценке. Основы этих знаний позволили будущему писателю развивать их на протяжении всей его последующей жизни и не могли не содействовать выведению его на путь литературного и театрального творчества.

Одним из примечательных аспектов работы школы Санта-Каталина были театральные представления, которые ее святые отцы устраивали для почетной публики Кордобы, в которых актерами были их собственные ученики. Это были небольшие пьески назидательно-воспитательного содержания на упро-

щенном латинском языке попеременно с испанским. Вполне вероятно, что, будучи учеником этой школы в течение двух лет, Мигель мог быть не только зрителем, но и исполнителем отдельных ролей в таких спектаклях. Во всяком случае, подобное приобщение к театру могло сыграть свою роль в пробуждении интереса Сервантеса к этому виду творчества. Однако твердых свидетельств его присутствия на таких представлениях или участия в них найдено не было, а сам он об этом нигде в своих трудах не упоминает. Более вероятным кажется знакомство Мигеля в эти годы с представлениями странствующих кукольников, которые были тогда очень популярны в городах Испании. Особым успехом на этом поприще пользовались выступления группы кукловодов под руководством Себастьяна Ай, о которых писатель вспоминает в «Лиценциате Видриера». В самом же «Дон Кихоте» его автор с восторженным пафосом передает сцену, в которой Рыцарь Печального Образа нападает на ширму кукольника и его персонажей в одном из проявлений его странного безумия. Так ярко, живо и с таким знанием предмета описать подобный эпизод мог только человек не только хорошо осведомленный о нем, но и влюбленный в кукольный театр.

В эти школьные годы Мигеля произошли также заметные улучшения в отношениях между его дедом доном Хуаном с членами его семьи, хотя тот продолжал жить от нее отдельно. Старый Родриго умер в своем собственном доме в 1556 г., а год спустя из жизни ушла его жена Леонор де Торребланка, скон-

чавшаяся в семье своего сына Родриго-младшего. Денежное положение этой семьи после некоторого относительного благополучия, о чем свидетельствовало наличие у нее раба, после смерти бабушки, снова заметно ухудшилось настолько, что раба пришлось продать. В Кордобе теперь оставались лишь бедные родственники главы семейства, которые сами кое-как перебивались на скромные заработки. Как и в прошлых подобных ситуациях, отец Мигеля снова решил искать улучшение жизни на новом месте. Что касается такого следующего нового города, то историки на этот счет расходятся в своих утверждениях. Одни полагают, что Сервантесы не стали бы возвращаться в Алкала или Вальядолид, где у них дела, мягко говоря, не сложились, и переехали тогда в Гранаду. Другие же считают, что наиболее вероятным местом их переезда стал небольшой город Кабра, исходя из того, что там в то время проживал дядя Мигеля и старший брат его отца Андрес, на помощь или поддержку которого он мог рассчитывать — этот брат Родриго стал состоятельным человеком благодаря женитьбе на очень богатой невесте. Данное мнение поддерживается и тем обстоятельством, что именно в Кабре в своем наследственном дворце проживал герцог Сесса, которому было суждено впоследствии стать одним из важных покровителей будущего писателя. Тот факт, что при последующем переезде семьи, на сей раз в Севилью, ее сопровождал упомянутый дядя Мигеля, тоже подкрепляет этот город в качестве места, куда она направилась, оставляя Кордобу.

Поскольку семья Мигеля до отъезда из Кордобы прожила там около пяти лет, то ее предположительный переезд в Кабру состоялся в 1558 г., то есть когда ему было между 10 и 11 годами. Что происходило с семьей Мигеля и им самим с тех пор и в течение последующих шести лет, никаких сведений история не сохранила. Следующая известная страница их жизни для нас открывается на берегах Гвадалквивира в древней живописной Севилье.

«Тот, кто не видел Севилью, не видел чуда». Так гласит старая андалузская поговорка, в которой звучит гордая оценка жителями этой южной провинции Испании их замечательного и интересного города, с которым будет неоднократно и тесно переплетаться судьба Сервантеса. Еще во времена Римской империи Севилья была уже большим и важным городом. В ту далекую эпоху она называлась Гиспалис, а при завоевании арабами изменилась в Ишбилию, откуда впоследствии и возникла современная испанская по своему звучанию Севилья. Этот замечательный город успешно рос и процветал при сменявших друг друга разных племенах арабских завоевателей, превратившись со временем в один из ведущих культурных и интеллектуальных центров Европы, питая своими передовыми достижениями науку, искусство, медицину, астрономию, архитектуру, математику и другие отрасли знаний стран старого континента.

Арабская Севилья была отвоевана Кастилией в 1248 г. не без помощи правителя Гранадского халифата после 16-месячной осады, пережив страшные разрушения и пожары, потеряв свое прежнее вели-

чие, значение и славу, но ко времени Сервантеса еще во многом сохраняла следы длительного влияния мавров, как, собственно, вся Испания и особенно Андалузия. В период пребывания там семьи Мигеля эта южная жемчужина страны, несмотря на пережитые тяжелые времена, снова была одним из самых богатых городов Европы. На протяжении столетий благодаря судоходному Гвадалквивиру Севилья была одним из самых активных морских портов континента, что во многом определяло ее процветание и в Средние века, и в эпоху Сервантеса, когда география ее торговых связей уже охватывала почти весь земной шар и в первую очередь богатейшие заокеанские владения Испании, откуда почти ежедневно приходили корабли с грузами золота, серебра, дорогих специй и других столь нужных товаров для европейских государств. Переезжая в Севилью, Родриго Сервантес рассчитывал воспользоваться теми немалыми возможностями, которыми обладал этот космополитичный город для активных его обитателей, чтобы улучшить жизнь своей семьи и в первую очередь своих детей.

Отцу Мигеля действительно удалось там добиться материального успеха, однако представляется, что этим он был обязан не столько своей обычной работе в качестве медика-кровопускателя, а удачному владению несколькими приобретенными городскими домами, которые семья сдавала внаем. Точно неизвестно, каким образом Сервантесы смогли найти средства на покупку такой недвижимости, но, скорее всего, они сделали эти покупки на деньги, взя-

Тимур Дмитричев

тые в долг у того же богатого старшего брата Родриго Андреса. Сам факт владения семьей несколькими домами в зажиточном квартале Севильи Сан-Сальвадор подтверждается целым рядом ее архивных муниципальных документов. Однако семья Сервантеса жила в более скромном районе города под названием Сан-Мигель.

5. Городская жизнь Сервантесов

1. Город

Жизнь Сервантесов в городе на берегах Гвадалквивира в силу целого ряда его преимуществ и возможностей по сравнению с предшествующими местами их проживания, видимо, была более активной и интересной, но в основном напоминала собой уклад и быт крупных поселений позднего Средневековья с их предельной простотой и суровостью без элементарных удобств и с ограниченным кругом развлечений. Севилья, как Кордоба, Толедо и другие старые города, была окружена крепостной стеной и имела целый ряд охраняемых ворот в качестве главного средства защиты от нападения агрессоров. Поскольку она была морским портом, то ее стена предусматривала специальные ворота на Гвадалквивире для пропуска приходящих и выходящих кораблей, обретавших защиту в его пределах. Ко времени переезда в Севилью Сервантесов она была одним из самых крупных городов Европы с населением около 120 000 жителей, из которых примерно 4000 составляли рабы.

Улицы во всех городах той эпохи, что можно видеть в сохранившихся в них старых центральных кварталах и сегодня, продолжали оставаться очень узкими. Дома на них редко следовали прямой линии расположения их фасадов, а разбрасывались в беспорядке тут и там без учета выдерживания определенного стиля и дизайна или соблюдения требований гигиены. На выходящие на улицы окна ставились железные решетки, под которыми влюбленные мужчины и исполнители серенад ожидали встречи со своими возлюбленными. Это типично испанское явление нашло довольно широкое отражение в литературе той эпохи. В темное время улицы освещались масляными лампами, которые производили целые облака дыма. Большинство домов были двух, трех и редко четырех этажей или пятиэтажными, как дом, где жил Сервантес в Барселоне, существующий и по сей день. Здания были довольно узкими и в большинстве случаев примыкали друг к другу стенами и даже крышами, что создавало их сплошную непрерывную вереницу вплоть до пересечения с другими улицами или площадями. Тротуаров еще нигде не существовало. Они стали появляться лишь в конце XVIII века.

Водопровода, слива отходов и туалетов в домах не существовало, а домашний мусор и помои выбрасывались из окон прямо на улицу, невинными жертвами которых становились оказавшиеся под ними прохожие. Чтобы снизить число подобных инцидентов, по королевскому указу хозяевам перед выбросом помоев на улицу вменялось громко кричать для прохожих предупреждение: «Осторожно, вода!». Центральная

полоса большинства улиц служила своего рода сточной канавой, на которой сваливались всевозможные домашние отходы, заставляя прохожих прижиматься к стенам зданий.

Об архитектурных особенностях или стилях обычных жилых домов говорить не приходится: они почти все представляли собой самые примитивные сооружения, во многом повторяющие друг друга при небольших декоративных отличиях. Главными носителями архитектурного стиля эпохи, как и в прошлом, были соборы, церкви, монастыри и прочие культовые учреждения, а также дворцы и дома королей, богатых аристократов и других зажиточных слоев населения. Иными словами, именно богатство являлось главным средством проявления и выражения архитектуры. Более ранний средневековый романский стиль с его тяжелыми конструкциями, толстыми стенами и закругленными окнами уже давно уступил главенство пришедшей ему на смену готике, но целый ряд его внушительных образцов еще в эпоху Сервантеса сохранился в Севилье и других городах Испании. Готика решительно облегчила общую структуру строений, внесла в них больше света, украсила их элегантными стрельчатыми и ребристыми сводами, а также захватывающим многоцветьем великолепного цветного стекла. Культовые сооружения в этом стиле побуждали посетителей поднимать головы вверх, устремлять взгляд к небу и вспоминать о Всевышнем. Свое название этот очень своеобразный элегантный стиль получил в период позднего Ренессанса и барокко для придания ему отсталого негатив-

ного определения и унижительного сравнения с тем, что характеризовало варварский период нашествия готов. Однако при жизни Сервантеса готика еще доминировала в архитектуре, но постепенно начинала уступать расширявшемуся по Европе Ренессансу. Однако в специфических условиях Испании Ренессанс проявлялся не в своем чистом виде, как на своей родине в Италии, а в удивительно утонченном и гармоничном слиянии его специфических особенностей со старыми готическим и мавританским стилями.

Бытующие среди нас сегодня впечатления о городах Испании, да и других стран Европы времени Сервантеса как о грязных, наполненных резкими неприятными запахами поселениях, довольно близки к реальной картине. Да, действительно, там не было канализации, туалеты были самого примитивного типа, отходы выбрасывались на улицы, на которых человеческие отходы и неприятные запахи встречались повсеместно. Даже около королевского Лувра в Париже запахи нечистот были тогда настолько сильными, что атаковали приближавшихся к нему путешественников на почтительном от него расстоянии. Однако эти отходы и запахи, в отличие от нашего времени, были естественными, и воздух, которым тогда дышали горожане, был несравненно более чистым и здоровым, чем тот, от которого страдают и порой задыхаются наши современники в сегодняшних городах. Мы сами настолько привыкли к нашим переполненным всевозможными вредными нечистотами условиям, что нередко просто их не замечаем.